

Примерно через четверть часа Сюй Тяньцзяо поднялась, и Цин Инь с Чжуинь поспешили помочь ей привести в порядок одежду и прическу. Когда она вышла из покоев, то, как и ожидалось, столкнулась с императором Сяньцзуном, который как раз направлялся в эту сторону.

— Тяньцзяо, — в глазах императора на мгновение промелькнуло недовольство. — Тебе уже лучше? Все еще плохо себя чувствуешь? Почему не отдохнула подольше?

Сюй Тяньцзяо слегка присела в безупречном реверансе.

— Благодарю императора-брата за заботу, мне уже гораздо лучше. Я как раз собиралась вернуться, чтобы составить вам компанию за парой чарок.

На людях она называла его только императором, но наедине, желая подчеркнуть близость, величала императором-братом. Настроение Сяньцзуна мгновенно улучшилось, и он сделал приглашающий жест. Сюй Тяньцзяо, сияя улыбкой, не церемонясь, прошла мимо него.

Принцесса — причем не рожденная главной императрицей и не родная сестра нынешнего правителя — вот так запросто, на глазах у всех, шла впереди самого императора. Однако Сяньцзун не только не рассердился, но, напротив, расплылся в довольной улыбке.

Присутствующие в зале не сочли это странным. Дворцовые слуги один за другим склонялись в поклонах, знатные дамы из семей сановников заискивающе улыбались, а те, что стояли ближе, даже осмелились подойти и выразить беспокойство. Что же до менее удачливых и нелюбимых принцесс, то они и вовсе поспешили подбежать, чтобы услужливо поддержать ее под локоть.

Сюй Тяньцзяо в душе усмехнулась: она прекрасно знала, насколько лицемерны эти люди.

Взять хотя бы супругу герцога Чжэн и ее невестку, сидевших в первых рядах рядом с императором. Одна была ее бывшей свекровью, другая — бывшей бабушкой мужа. Обе они были бы рады разорвать ее на куски, но на лицах у них сияли улыбки, словно они были самыми близкими подругами.

А сидевшая рядом принцесса Хэхуэй? Месяц назад ее супруг только ради того, чтобы увидеть Тяньцзяо, перелезал через стену у заднего входа в ее резиденцию, был подстрелен стражей, получил ранение, да еще и сломал ногу при падении. И хотя тогда Хэхуэй немедленно побежала жаловаться императору, сейчас она, пусть и не стала подлизываться, все же встала, одарив принцессу заискивающей улыбкой.

О, а невестка и внучка того старого развратника Сюэ Цивэня? Вообразили, что ведут себя безупречно, но неужели они думали, что она не видит огня ненависти в их глазах?

Сюй Тяньцзяо уверенным шагом прошла вперед и заняла свое место. Сяньцзун последовал за

ней и сел на свой трон. Несколько принцесс что-то щебетали на ухо Сюй Тяньцзяо, но та подняла бокал с Личжилюй, который неизвестно когда успели наполнить, и обратилась к императору.

Сяньцзун с недовольным видом взмахнул рукой, разгоняя болтливых принцесс. Затем он поднял свой бокал, посмотрел на Сюй Тяньцзяо и осушил его до дна.

— У императора-брата отличное здоровье! — воскликнула Сюй Тяньцзяо и тоже выпила все до капли.

Снова наполнив бокал, она подняла его:

— Император-брат, этот бокал мы выпьем за императрицу-невестку. Поздравим ее с днем рождения.

— Хорошо, — согласился Сяньцзун и посмотрел на Юй Шилань. — Императрица, желаю тебе, чтобы каждый год был таким же, как сегодня, и чтобы с каждым днем ты становилась лишь краше.

Юй Шилань крепко сжала руки в рукавах, но на лице ее засияла безграничная радость:

— Ваше Величество, благодарю вас!

Ее голос звучал так сладко, что наложницы императора могли лишь скрежетать зубами от зависти. Какая же досада — императрица, а по красоте уступает лишь принцессе Тяньцзяо, настоящая лисица!

Сюй Тяньцзяо наполнила бокал в третий раз:

— Император-брат, этот бокал я пью за твое здоровье.

— За мое? — Сяньцзун приподнял бровь.

Сюй Тяньцзяо снова улыбнулась так, что у императора и Ци Хао зарябило в глазах. Весь зал словно расцвел сотнями цветов, наполнившись ароматом — лишь потому, что принцесса Тяньцзяо, покрасневшая от вина, улыбнулась.

— Желаю тебе десяти тысяч лет жизни, десяти тысяч лет, десять тысяч раз по десять тысяч лет!

— Хорошо! — Сяньцзун в восторге вскочил со своего места.

Весь зал последовал его примеру. Все подняли бокалы:

— Десять тысяч лет жизни, десяти тысяч лет, десять тысяч раз по десять тысяч лет!

Вино во всех бокалах было выпито до дна. Лишь Сюй Тяньцзяо допила свой только наполовину, а затем, притворившись, что не выдержала хмеля, кокетливо обратилась к императору:

— Император-брат, больше не могу, пусть мой супруг допьет за меня, хорошо?

— Нет! — отрезал Сяньцзун. Он протянул длинную руку, выхватил бокал у нее из рук и сам осушил остатки Личжилюй. — Это пожелание от сестры мне, как может супруг его заменить?

— Ваше Величество!

— Император-брат! — вскричали присутствующие.

Сюй Тяньцзяо рассмеялась, и ее смех зазвенел, словно серебряные колокольчики:

— Император-брат, какая щедрость! Но у вас же аллергия на личи, я совершила ужасную ошибку...

Сяньцзун был в прекрасном расположении духа:

— Я прощаю тебя.

— Благодарю, император-брат. Попросите императрицу-невестку прислать мне обещанную награду, у меня кружится голова, хочу вернуться в резиденцию и поспать.

Сказав это, она пошатнулась, будто не в силах устоять на ногах. Ци Хао поспешно протянул руку, но он был прикован к креслу, а расстояние оказалось слишком большим, так что его попытка была тщетной. Сяньцзун тоже было потянулся, но на полпути отдернул руку. Сюй Тяньцзяо же просто упала в объятия Чжуинь.

Император распорядился:

— Скорее отвезите принцессу домой, позаботьтесь о ней как следует.

Сюй Тяньцзяо развернулась и, пошатываясь, пошла прочь, не обращая внимания на вскрики наложниц позади — они в ужасе обсуждали последствия аллергии императора на личи. Ци Хао вытер холодный пот со лба и велел служанке везти его к выходу.

Когда его внесли в карету, Сюй Тяньцзяо уже лежала на мягкой кушетке. Она долька за долькой ела Счастливого мандарина, и от ее недавнего образа — дерзкой, избалованной, захмелевшей и кокетливой принцессы — не осталось и следа.

Ци Хао молчал. Сюй Тяньцзяо взглянула на него и безразлично бросила:

— Удивительно, супруг мой, сегодня ты даже не пытаешься меня вразумить.

— А если я буду вразумлять, ты слушаешь?

— Нет.

Если они делают ей неприятно, она сделает неприятно всем остальным. И что с того, что он император? Все равно послушно выпил Личжилюй, который она не допила.

Ци Хао вздохнул:

— Вот именно. Раз ты не слушаешь, думаю, и смысла нет тебя переубеждать.

На следующий вечер Цин Инь принесла во дворец разузнанные новости.

— Принцесса, я все выяснила. Оказалось, младшая дочь управляющего Чжана тайно влюбилась в господина Циня. Ее родители, узнав об этом, решили, что он неплохая партия, и сами завели разговор об этом с Мэй-ши и Цинь Дабао, — Цин Инь сделала паузу, добавив с оттенком сочувствия: — Эти двое даже не стали спрашивать самого господина Циня и сразу дали согласие на брак. А он был категорически против, говорят, даже пытался повеситься...

— Пф...

Сюй Тяньцзяо, пившая чай, выплюнула его от неожиданности. Цин Инь поспешно подала платок:

— Принцесса, будьте осторожнее.

Сюй Тяньцзяо расхохоталась:

— Повеситься? Ты не ошиблась?

Тот самый красавец, который притворялся бесчувственным бревном, но на деле оказался таким смельчаком — и вдруг повесился?

Цин Инь тоже нашла это забавным:

— Нет, я не ошиблась, и вы не ослышались. Говорят, после того как он спас вас и вернулся домой, он был готов умереть. Даже когда лекарь пришел обрабатывать раны, он не позволял к себе прикасаться, его мать сама делала перевязки. А когда вправляли ногу, мать вцепилась в него мертвой хваткой, чтобы зафиксировать конечность.

— Интересно, — заметила Сюй Тяньцзяо. — Может, он спас меня только потому, что сам хотел умереть?

На это Цин Инь не решилась ничего ответить.

Сюй Тяньцзяо продолжила:

— Раз так, то его дела с дочерью Чжана оставь в покое. Кстати, как он сейчас?

— Поправляется, но, кажется, его здоровье и до этого было не лучшим, так что вряд ли он встанет с постели раньше чем через три месяца. Но после ваших вчерашних слов его мать, Мэй-ши, с вечера и до сегодняшнего полудня лично варила костный бульон и носила ему, надеясь, что он поправится быстрее и вы окажете ему милость, — доложила Цин Инь.

Сюй Тяньцзяо это не особо интересовало, она махнула рукой:

— Понятно. Присмотри за ним, как поправится — переведи его охранять ворота.

Вечером, во время ужина, Мэй-ши снова принесла огромную чашу костного бульона. Хотя Цинь Лу пила его уже третий раз, от одного запаха ее начинало тошнить. Она невольно зажала нос.

Юная Цинь Лу в ее сознании хихикнула:

— Сестрица Цинь, прости, что заставляю тебя страдать... хи-хи...

Цинь Лу была в отчаянии. Она жалела лишь о том, что юная Цинь Лу прячется внутри ее тела — чтобы выпустить пар, ей пришлось бы бить саму себя, но больно было бы только ей, а не виновнице.

— Сяо Лу, давай, бульон готов, — Мэй-ши с улыбкой поставила чашу перед Цинь Лу.

— Я больше не хочу.

В первый раз Цинь Лу подумала, что у Мэй-ши проснулась совесть, и выпила. Во второй раз она выпила из-за слез матери. В третий раз она сдалась, когда Мэй-ши притащила своего муженька Цинь Дабао, и они вдвоем довели ее до головной боли. Но теперь она не собиралась потакать Мэй-ши.

— Сяо Лу, мама делает это ради твоего же блага, — настаивала Мэй-ши. — Принцесса сказала, что как только ты поправишься, она возьмет тебя в личную стражу. Это же карьера на всю жизнь! Пей, пока горячее, подобное лечится подобным — костный бульон поможет твоим костям срастись быстрее.

— Я сказала, не буду! — Цинь Лу смахнула чашу, и бульон выплеснулся прямо на лицо и одежду Мэй-ши.

Это был первый раз с начала событий, когда Цинь Лу заговорила таким тоном. В этот момент она второй раз покинула тело, уступив место юной Цинь Лу, которая и совершила эту выходку. Мэй-ши была так ошарашена, что даже не заплакала и не закатила скандал, а просто молча вышла из комнаты.

Через мгновение Мэй Инь, дрожа, вошла убирать осколки и увидела молодого господина Циня: он закрыл лицо руками и рыдал, захлебываясь слезами. Такой красивый мужчина, а плачет так трогательно. Испугавшись собственных мыслей, Мэй Инь поспешно выскочила вон.

Цинь Лу же чувствовала себя просто ужасно.

Юная Цинь Лу, нам нужно серьезно поговорить. Проблема с имиджем — что ты собираешься делать?

Мэй Инь, по приказу прислуживавшая Цинь Лу, конечно же, немедленно доложила хозяйке о случившемся.

— Плачет в комнате? — Сюй Тяньцзяо была удивлена, но уже готова была принять любые странности. В конце концов, если мужчина способен на попытку самоубийства, чего еще от него ждать?

Мэй Инь продолжала:

— Да. Госпожа Мэй принесла бульон, я была за дверью и слышала, как она что-то говорит, потом раздался звук разбитой посуды... Госпожа Мэй вышла, вид у нее был странный. Я зашла внутрь — повсюду лужи, а господин Цинь закрыл лицо руками и рыдает навзрыд.

Даже сейчас Мэй Инь было жаль его.

Навзрыд... взрослый мужчина плачет навзрыд? Уголки губ Сюй Тяньцзяо поползли вверх.

— Он все еще плачет?

— Когда я выходила, он плакал, а сейчас — не знаю.

Такое забавное зрелище Сюй Тяньцзяо, конечно, не могла пропустить.

— Пойдем, посмотрим, — она поднялась и вышла.

Тем временем Мэй-ши, отойдя на приличное расстояние, развернулась и пошла обратно. Где это видано, чтобы дети так обращались с родителями? Она же хотела как лучше!

Мэй-ши быстро шагала, уткнувшись в землю, и врезалась в кого-то мягкого. Раздался кокетливый визг — это была наложница Хун, третья жена Цинь Дабао, которая оберегала своего младшего сына Цинь Куя. Она гневно уставилась на Мэй-ши:

— Старшая сестра, что ты делаешь! Под ноги не смотришь? Ладно меня толкнула, а если бы пострадал Куй-эр?

У наложницы Хун было два сына, но Цинь Дабао был особенно привязан к младшему, четырехлетнему Цинь Кую. Даже старшие сыновья, Цинь Лу и Цинь Лэй, вместе взятые, не шли ни в какое сравнение с любимчиком.

Мэй-ши поморщилась, глядя на ее наряд, подобающий женщине легкого поведения, и рявкнула:

— Проваливай!

Наложница Хун замерла. Какую муху укусила Мэй-ши? Раньше она даже пикнуть не смела в ее присутствии. Наложница прищурилась, оглядывая Мэй-ши, и насмешливо улыбнулась:

— Что, Сяо Лу не слушается и злит тебя? Ой-ой, посмотри на себя, вся в бульоне! А мальчишка-то какой строптивый, ведь ты же его родная мать!

Мэй-ши гневно глянула на нее:

— Сяо Лу — это не тебе чета называть! Знай свое место, наложница!

Она с силой оттолкнула ее и пошла дальше. Четырехлетний Цинь Куй плюнул ей вслед и выругался:

— Проклятая старуха!

Наложница Хун довольно сощурилась:

— Хороший мальчик. Пойдем, увидимся с отцом!

Мэй-ши, кипя от ярости из-за насмешек наложницы Хун, винила во всем Цинь Лу. Она долетела до двери комнаты сына, как на крыльях. И тут столкнулась с Сюй Тяньцзяо, которая шла в сопровождении Цин Инь и Ланьинь.

Мэй-ши тут же сменила гнев на милость, упала на колени и забила челом:

— Рабыня приветствует принцессу.

Сюй Тяньцзяо не удостоила ее взглядом, пнула дверь и вошла.

В комнате Цинь Лу уже оставила попытки убедить юную Цинь Лу покинуть тело и просто наблюдала, как та льет слезы. К счастью, внешность этого тела лишь наполовину совпадала с ее собственной, так что диссонанс был не таким уж сильным.

Дверь внезапно распахнулась, и она увидела ту самую легкомысленную принцессу. Цинь Лу порадовалась, что сейчас в теле сидит юная Цинь Лу. Она обхватила себя руками, твердо решив: что бы ни случилось, она не даст юной Цинь Лу уйти, чтобы самой оказаться на ее месте.

Сюй Тяньцзяо с улыбкой подошла к кровати и подцепила пальцем подбородок опешившей девушки.

— И правда плачешь? — прошептала она. — Ц-ц-ц, плачешь так, что сердце сжимается, столько в тебе очарования.

Сердце сжимается. Очарования.

Если бы такое сказали мужчине, он бы уже полез в драку. Но юная Цинь Лу в глубине души была самой настоящей нежной девицей, и, услышав такую похвалу, она замерла, а лицо ее вспыхнуло так, что она не смела даже моргнуть.

Сюй Тяньцзяо должна была признать: она впервые видит, чтобы кто-то краснел в ее присутствии. Она была избалованной и дерзкой, и все женщины в столице, включая двух самых знатных при дворе, при встрече с ней улыбались в лицо, а за спиной скрежетали зубами. А мужчины либо пожирали ее глазами, либо пускали слюни.

Но румянец — такая обычная, но редкая вещь — она видела впервые. Как ни странно, на душе у Сюй Тяньцзяо стало спокойнее. Ей больше не хотелось его высмеивать или подавлять.

— При... принцесса, можно... можно убрать руку? — пролепетала юная Цинь Лу. Она была готова снова разрыдаться. Она же женщина! Что будет, если принцесса узнает? И к тому же, две женщины в такой двусмысленной позе...

Сюй Тяньцзяо рассмеялась. Этот мужчина снова просит ее вести себя пристойно? В Дасюй полно мужчин, которые только и мечтают, чтобы она не была пристойной, а этот — такой недотепа. Сегодня она решила нарушить все правила, просто чтобы посмотреть на его реакцию.

Она не только не убрала руку, но, напротив, пальцами сжала подбородок юной Цинь Лу, наклонилась и коснулась красными губами ее бледных, испуганных губ.

Цинь Лу: О господи! Это что, попытка насилия?

Юная Цинь Лу: Сестрица Цинь, спаси!!!

Сестрица Цинь была в таком шоке, что только наблюдала, так что юной Цинь Лу пришлось спасаться самой.

— При... принцесса... — робко пролепетала она. — Смирно приветствую принцессу.

Она поспешно опустила голову, пытаясь отстраниться. Сюй Тяньцзяо, наслаждаясь ее выражением лица, спросила:

— О чем ты плачешь?

Юная Цинь Лу, все еще не придя в себя, ответила:

— Ни... ни о чем.

— Ты считаешь меня душой? — в глазах Сюй Тяньцзяо промелькнуло недовольство.

Цинь Лу вздохнула: юная Цинь Лу вот-вот окончательно сломается под натиском этой дерзкой принцессы. Она почувствовала, как перед глазами потемнело, покачала головой, и, когда открыла глаза, лицо Сюй Тяньцзяо было уже совсем близко.

Цинь Лу снова была в отчаянии. Юная Цинь Лу, понимая, что перегнула палку, наконец выдохнула:

— Сестрица... сестрица Цинь, прости...

Цинь Лу хотелось только горько усмехнуться. Однако легкомысленная принцесса начинала злиться, и ей пришлось взять инициативу на себя:

— Еда, которую готовит моя мать, просто отвратительна.

Сюй Тяньцзяо недоверчиво потерла ухо. Еда... отвратительна? И из-за этого взрослый мужчина рыдает, как девица?

Вся любопытство Сюй Тяньцзяо мгновенно испарилось. Она выпрямилась и отошла от Цинь Лу подальше. Затем, обратившись к застывшей в дверях Мэй-ши, скомандовала:

— С сегодняшнего дня не смей готовить для Цинь Лу.

Затем она велела Мэй Инь:

— Мэй Инь, отныне по расписанию ходи на главную кухню за едой для него, а к моему обеду прибавляй еще одно блюдо с моей кухни.

Сказав это, она, не оборачиваясь, широким шагом покинула комнату. Мэй Инь поспешно поклонилась, а Мэй-ши бухнулась на колени, радостно благодаря за милость. Цинь Лу же была в полном недоумении: похоже, логика этой принцессы работает совсем не так, как у нормальных людей.

Такая удача заставила Мэй-ши забыть, зачем она вообще пришла. Как только Сюй Тяньцзяо ушла, она вскочила и с сияющим лицом села на край кровати:

— Сяо Лу, ты настоящий сын своей матери! Поправляйся скорее, иди на службу к принцессе, докажи, чего ты стоишь!

Цинь Лу пропустила ее слова мимо ушей. Мэй-ши это не смутило, она продолжала болтать без умолку.

Только когда Мэй Инь принесла богатый ужин, Мэй-ши умолкла. Услышав, что пришла младшая дочь, она позвала ее к столу. Принцесса была щедра, еды было много, и втроем они не смогли осилить все.

После ужина Мэй-ши ушла, а Цинь Цинь осталась. Когда все разошлись, она вдруг бросилась к Цинь Лу, обняла ее и зарыдала:

— Старший брат! Старший брат! Как же ты мог быть таким глупым! Даже ради спасения принцессы нельзя было так рисковать своей жизнью!

До того как все случилось, ее вызвали к родственникам, и никто не сообщил о беде. Только вернувшись сегодня вечером, она узнала, что произошло. Ужин она почти не тронула.

<http://bllate.org/book/21777/2252010>